

Но тут как понять «чужую страну»? В масштабе империи СССР? Ее идеологического пространства? Вероятно, и это — могло бы быть иначе при таком угадливом скепсисе: «Жил да был на свете Некто, не лишенный интеллекта. Все, что скажут на собрании, этот Некто знал заранее». И вправду — заранее, задолго, если, подумав только, аж в 1934 году, в нежном шестнадцатилетнем возрасте, Некто, то бишь Борис Заходер, мог сформулировать с омерзением, которое лишь подчеркнуто ерничеством: «Пусть ни один сперматозоид иллюзий никаких не строит; поскольку весь наш коллектив попал в один презерватив». Многообещающий отрок!

И все ж, полагаю, «чужая страна» — метафора поболзневшей. Идеология — общая беда, общее рабство, а здесь проблема личной судьбы, индивидуальной репутации.

«— О тебе говорят, как о детском поэте. — А я разве спорю, милые дети?» Понимай: только о детском, исключительно о клиенте «Детгиза» — так Заходер выдал свою тайную (для тех, кто лично его не знает) задетость. И едкость, с которой он отпаривает навязанный ему имидж, наделив имиджейков младенческим разумением, лишь подтвердит ее. Исправит ли дело книга «Заходерзости» (издательство «Век 2», 1997), вышедшая на исходе восьмого десятилетия сочинителя?

Знакомцы Пуха, Медвежонка С Опилками В Голове (чьим сотворцом — это по меньшей мере — стал в России Борис Заходер), не воспримут ли они как шокирующую внезапность глубочайший пессимизм поэта, кажется, верящего лишь в неизбежность праха?

В самом деле... Тут у нас шум насчет ленинских похорон в надежде, что они смиряют общественное смятение, а он: «Навряд ли и тогда придет конец безумию, когда мы похороним эту мумию».

Или — экономические дискуссии: «Гному жаловался Гном: — Мы питаемся говном! — Может, это и неплохо, ведь всегда найдется кроха... Так обсуждали гномики вопросы экономики». Короче: «Зачинали все это — варяги, а подводят итоги — воюги». Слишком жестко и обреченно, чтобы обрадоваться цепкому каламбуру, — он и сам-то как формула нашей истории, даже фонетически неизбежна.

По прихотливой ассоциации вспоминаю гениального пессимиста Сухова-Кобылина, который радовался, что не оставляет для надвигающегося смрада своих потомков и его род изойдет вместе с ним. Философия истории, мозаично сложившаяся из лаконичней-

ших миниатюр-заходерзостей, пожалуй, не меньше насмешливо-пессимистична, ежели, правда, пессимизм бывает насмешлив. Ведь насмешка — последний довод того, кто все же надеется на вразумление мира...

Как бы то ни было, выходит, Заходер надул нас своими детскими книгами? У кого, у кого, а у ребенка точно есть будущее — его взрослость, куда и уходит Кристофер Робин. Но вольно нам было всего лишь хихикать, читая, допустим, про обезьян

«Я прожил жизнь свою в чужой стране». Положим, это озаглавлено: «Жалоба палестинца», но кого обманет такая уклончивость? Это ж прямой и лукавый, чем лукавее, тем прямей, отклик «Жалобам турка», сочинению мальчика Лермонтова — этой азбуке аллюзионности: «Там стонет человек от рабства и цепей!.. Друг! этот край... моя отчизна!»

ВИННИ — ПУХ И ПРАХ?

в зоопарке: «Ваши предки, наши предки на одной качели ветке, а теперь нас держат в клетке... Хорошо ли это, детки?..» Ладно, сегодня-то, в «Заходерзостях», автор даст нам подсказку заглавием цикла: «В нашем зоопарке», — но, право, надо было уж очень безмозгло врать в замкнутый мир советской поэзии для детей, где вне закона была сама область печали, чтобы не разглядеть в крохотном лирическом шедвре мысль о разделенности мира на свободных и несвободных.

Или — легкомыслие было в своем легкомысленном праве лишь веселиться, читая: «Батюшки! Глобус попал под автобус!», и не примечать, как школьная микромодель Земшара строчку спустя превращалась в него самого. «Многое наша Земля повидала... Неузнаваема стала планета... От высочайшей горы Эвереста ныне осталось мокрое место... К Южному тропику птицы летели, а прилетели в царство метели...» Может быть, и меня в свое время вразумила не причастность к общей судьбе современника экологических катастроф, а увлеченная аналогия с песней Галича, где их, катастроф, провозвестником выступает непросыхающий истопник. Помните? «И рубают финики лопари, а в Сахаре снега невпроворот, — это гады-физики на пари раскрутили шарик наоборот».

Нет, Заходер — поэт истинно детский, однако не

просто, не только, вот в чем штука. Возможно, и для него, как для многих, поэзия для детей стала страной внутренней эмиграции (когда-то подобное мне сказал про себя даже Маршак), — а вдруг сначала была и «чужой», кто знает? Но он, счастливчик уже из немногих, нашел в эмиграции внутреннюю свободу — или сохранил ее. Собственно, он — единственный, кто после первооткрытий Чуковского и Маршака совершил столь могучий рывок вперед, за пределы тех областей, которые его коллеги, даже талантливые, продолжали обустривать. И при всей самоценности «Заходерзостей» они могут сыграть и роль косвенную: протереть глаза тем, кто, как им казалось, до донюшка понял прежнего Заходера.

Помню, когда только вышел в свет «Винни-Пух», в нашей компании шли нарасхват герои книги: кто находил в себе сходство с Кроликом, кто с Пятачком, кто с Тигрой. Сам Заходер сказал, что у ослика Иа есть его, заходеровские, черты и одно, уж точно заходеровское, высказывание: «Я приятно удивлен и тронут, хотя, возможно, аплодисментам и не хватает звучности». Впрочем, скептик Иа с его «Удивляться не приходится» или «Чего от них ждать!» («...знал заранее») вообще сказал немало неглупого.

Не перечитать ли в самом деле — может, и мы поумнеем?

● Станислав РАССАДИН

Он мудрый вождь, а не бандит!
Некто, не лишенный интеллекта
— Да вы же бандиты!
— Не спорим, бандиты!
Зато мы обуты, одеты и сыты.
Вон мальчик на нас как печально глядит —
Жалеет, бедняжка, что он — не бандит...

ИСТОРИЯ РЕКИ

Река
Была прозрачна у истока.
Напоминать об этом ей — жестоко.

В БОЛЬНИЦЕ

— Больной, дышите!
Не дышите!..
— Ах, милый доктор,
Не смейте!
Вы думаете, Вам решать —
Дышать мне или не дышать?

ТОПОНИМИКА

— Говорят,
Что в столице
Никто не найдет
Ни Покровских,
Ни Красных,
Ни Китских ворот, —

А найти их,
По-моему,
Просто-просто:
Надо прыгнуть
В Неглину
С Кузнецкого моста...

МЫ С ДОЖДЕМ

Несогласен я с дождем, —
Я вам так отвечу,
Даже если он во всем
Мне пойдет навстречу!

СТИХИ

Стихи нам что-то говорят.
Но не всегда.
Не всем подряд.

БАННОЕ

Сказал со вздохом Коля Ване:
— Давно я не был
В женской бане!
А Ваня отвечал с тоской:
— А я так даже и в мужской!..

НАХАЛЬНАЯ ГОРИЛЛА (Басня)

Приходила к нам горилла,
Нам горилла говорила:
— А по-моему, приматам
Не к лицу ругаться матом!..

Кому поверим, россияне —
Своей душе
Или заморской обезьяне?

КЛОП

Жил-был Клоп.
Он забрался к Поэту в кровать —
И кусал его ночью. (И днем).
Вот и все.
Как ни грустно, —

Не стану скрывать:
— Это все, что мы знаем о нем.

Это — все.
Очень мало.
Почти ничего.
Что же делать...
Бывает подчас,
Что и самое близкое
нам существо
Остается загадкой для нас...

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДВУСТИШНЯ

История этого двустипия такова. Однажды Некто (не лишенный интеллекта) вступил в спор со знаменитым поэтом Николаем Г. Дело было в конце 70-х годов в Гагре.

Г. утверждал, что он — величайший гуманист века. И что он воспел все-все на свете.

— На самом деле величайший гуманист века среди поэтов — я, — возразил Некто, не лишенный интеллекта. — И это именно я воспел все-все на свете.

— Чем ты это докажешь? — спросил Г.

В доказательство Н. тут же симпровизировал такое двустипие:

Никто не любит ... вошек,
А мне их жалко,
бедных крошек...

Этим проникновенным строкам Г. ничего не смог противопоставить и, хотите верить, хотите нет, признал свою неправоту...

Так два великих таланта возродили угасшую в средние века традицию поэтических турниров.

ПАМЯТИ МОЕГО ПСА

Что же это, собачий ты сын?
Где хваленая верность твоя?
Как посмел забежать ты —
Один! —
В отдаленные эти края?
В те края,
Где кончается след,
В те края,
Где зови, не зови —
Ни ответа, ни отзыва нет
Никому,
Даже нашей любви...
Там,
Откуда
Дороги назад
Не найти и собачьим чутьем, —
Позабудешь ты намертво,

брат,
О хозяине старом своем...
А хозяину — жизнь не мила.
Сердце, сволочь,

болит и болит...
...Вот такие-то, рыжий, дела:

Пес умолк,
А хозяин скулит...
Впрочем,
Что же я?
Он как всегда, —
Быстроногий,
Бежит впереди.
Боль в груди говорит:
«Не беда.
Ты догоняешь его...
Погоди...»